Круглый стол журнала «Крестьяноведение», посвященный 100-летнему юбилею профессора Виктора Петровича Данилова

А. В. Журавель, В. В. Кондрашин, И. А. Кузнецов, А. В. Гордон, Е. А. Тюрина, И. Н. Слепнёв, Е. В. Данилова, В. О. Афанасенков, А. М. Никулин

Александр Васильевич Журавель, историк, независимый исследователь. 241022, Брянск, ул. Профсоюзов, 1. E-mail: ravell-2@rambler.ru

Виктор Викторович Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории, Институт российской истории РАН. 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: vikont37@yandex.ru

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономической и социальной истории, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82, стр. 1. E-mail: kuznetsov-ia@ranepa.ru

Александр Владимирович Гордон, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии ИНИОН РАН. 117418, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Елена Александровна Тюрина, кандидат исторических наук, научный руководитель, Российский государственный архив экономики. 119435, Москва, ул. Большая Пироговская, 17. E-mail: kanc@rgae.ru

Игорь Николаевич Слепнёв, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра экономической истории, Институт российской истории РАН. 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19. E-mail: witte@yandex.ru

Елена Викторовна Данилова, независимый исследователь. 129301, Москва, ул. Бориса Галушкина, 17. E-mail: d_anele@mail.ru

Владислав Олегович Афанасенков, младший научный сотрудник Научно-исследовательского центра экономической и социальной истории, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82, стр. 1. E-mail: erpaison@gmail.com

Александр Михайлович Никулин, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т. Вернадского, 82, стр. 1. E-mail: harmina@yandex.ru

25 марта 2025 года состоялся круглый стол журнала «Крестьяноведение», посвященный 100-летнему юбилею выдающегося историка-аграрника, профессора Виктора Петровича Данилова (1925–2004). Участники круглого стола отметили вклад В. П. Данилова в российскую и мировую историографию, поделились личными воспоминаниями о нем и о своей работе с ним, обсудили актуальные проблемы аграрной и социальной истории. С сообщениями выступили: Александр Васильевич Журавель, историк, независимый исследователь; Виктор Викторович Кондрашин, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории ИРИ РАН; Игорь Анатольевич Кузнецов, к.и.н., старший научный сотрудник Центра экономической и социальной истории РАНХиГС; Александр Владимирович Гордон, д.и.н., главный научный сотрудник, заведующий сектором ИНИОН РАН; Елена Александровна Тюрина, к.и.н., директор Российского государственного архива экономики; Игорь Николаевич Слепнёв, к.и.н., старший научный сотрудник Центра экономической истории ИРИ РАН; Елена Викторовна Данилова; Владислав Олегович Афанасенков, младший научный сотрудник Центра экономической и социальной истории РАНХиГС. Модератором дискуссии выступил Александр Михайлович Никулин, к.э.н., главный редактор журнала «Крестьяноведение», директор Центра аграрных исследований РАНХиГС

Ключевые слова: Виктор Петрович Данилов, аграрная история, крестьяноведение

EDN: JQSTCB

А. М. Никулин: Дорогие коллеги! Мы проводим наш круглый стол, посвященный столетнему юбилею выдающегося историка-аграрника Виктора Петровича Данилова. Многие из присутствующих знали Виктора Петровича, являлись его учениками, на многих он оказал благотворное, незабываемое воздействие как ученый и человек. Между прочим, я также должен напомнить, что наш ежеквартальный академический журнал «Крестьяноведение», у которого в конце этого года будет собственный 10-летний юбилей, стремится быть достойным преемником ежегодника «Крестьяноведение», основанного еще 30 лет назад (опять юбилейная дата!) профессорами Виктором Даниловым и Теодором Шаниным. Редколлегия нашего журнала чтит память классиков крестьяноведения, сохраняя и развивая интеллектуальное и личностное наследие выдающихся аграрников России и мира, среди которых интеллектуальный образ Виктора Петровича Данилова является одним из замечательнейших и характернейших.

Мы рады приветствовать на нашем круглом столе Елену Викторовну Данилову, дочь Виктора Петровича Данилова, и хотели бы открыть нашу встречу с выступления биографического характера, которое представит ученик и друг семьи Даниловых Александр Васильевич Журавель.

А. В. Журавель «Умное семейство Даниловых»

Название моего сообщения взято из посвящения к книге С. О. Шмидта «Российское государство в середине XVI столетия». Ее мне нечаянно подарила Л. В. Данилова, не заметив, что книга — с автографом. В посвящении же Шмидта очень точно переда-

на суть уникального явления в отечественной историографии: семейство историков Даниловых было именно умным.

Историков-супругов в науке не так уж мало, но редко бывает, чтобы оба они являлись выдающимися учеными. В истории культуры я знаю лишь одну аналогию — из кинематографии: Лариса Шепитько и Элем Климов. Когда муж и жена — величины равновеликие, и нет смысла определять, кто из них крупнее и значимее. И те, и другие взаимно дополняли и помогали друг другу, оставаясь в своем творчестве совершенно независимыми и самодостаточными. Поэтому я хочу построить выступление именно в жанре двойного портрета, где буду говорить об их жизни, творчестве и творческом взаимодействии.

Виктор Петрович и Людмила Валериановна Даниловы, начало 1950-х гг. Фото из личного архива Е. В. Даниловой

Людмила Валериановна была немного старше Виктора Петровича: ее столетняя годовщина пришлась на 7 ноября 1923 года. Столетие Виктора Петровича выпало на 4 марта этого, 2025 года. Однако он был фронтовиком, и жесткий армейский опыт сделал его в житейском смысле человеком более опытным. Они повстречались в 1951 году в стенах Института истории, когда учились в аспирантуре. Бурно развивавшиеся отношения, естественно, привели к свадьбе — 4 декабря того же года.

Их независимая друг от друга жизнь сложилась, если обозначить пунктирно, так: Людмила Авдуевская, родившись в Спас-Волжино, на Смоленщине, всю жизнь провела в Москве. Окончив школу, она поступила в Московский университет на исторический факультет. Специализировалась по средневековой истории Рос-

сии, однако усердно посещала семинары А. И. Неусыхина по западноевропейскому средневековью. Ее дипломная работа на тему «Из истории Ярославского посада во второй половине XVII в.», защищенная 14 апреля 1948 года, по своему содержанию вполне тянет на современную диссертацию. Однако в аспирантуре Института истории, куда она поступила осенью того же года, ей пришлось заниматься социально-экономической историей Новгородской земли XIV–XV веков. Защищенная в 1952 году диссертация в сокращенном виде была опубликована в 1955 году под названием «Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв.».

Путь Виктора Петровича к кандидатской диссертации, защищенной в том же 1955 году, был более трудным. Родился он в Орске Оренбургской области, однако семья в 1932 году переехала в Чкалов (ныне — Оренбург). Среднюю школу Виктор Петрович окончил в 1943 году, после чего учился в Чкаловском училище зенитной артиллерии и, получив звание лейтенанта, в ноябре того же года отправился на Западный фронт, в 1871-й зенитный артиллерийский полк. За время Великой Отечественной войны побывал в нескольких странах. Демобилизовавшись 10 ноября 1946 года, Данилов уже 19 декабря того же года был зачислен на исторический факультет Чкаловского педагогического института, который успешно окончил в 1950 году[1].

После этого он поступил в аспирантуру Института истории АН СССР. В тот год происходил набор аспирантов по советской истории, и Данилов, интересовавшийся досоветским временем, пошел на этот компромисс. При этом, как Виктор Петрович сам говорил впоследствии, у него «хватило ума выбрать историю доколхозного крестьянства».

Брак в декабре 1951 года не помешал молодым ученым Даниловым интенсивно заниматься исследовательской работой. Они имели общий предмет исследования — историю сельского хозяйства в России, но в разные эпохи. Если Людмила Валериановна занималась относительно ранним периодом (до XVI в.), то Виктор Петрович осветил узловую проблему завершающей части в истории крестьянства — вопрос о материально-технических предпосылках коллективизации[2]. Главный его вывод — если его выразить афористично — заключался в том, что таковые накануне сплошной

1. Данные об учебе В. П. Данилова в Оренбурге сообщены Д. А. Сафоновым на конференции 4 марта 2025 г.: *Сафонов Д. А.* (2025). Приветственное слово // В. П. Данилов и российское крестьяноведение [Электронный ресурс]: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под научн. ред. Д. А. Сафонова. Оренбург: ОГУ. С. 7–9.
2. *Данилов В. П.* (1957). Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М.: АН СССР.

коллективизации, начавшейся в январе 1930 года, отсутствовали. Из этого следовало, что коллективизация 1930-х годов была неподготовленной, проводилась она поспешно, вопреки ленинскому кооперативному плану. Разумеется, сказать это открыто в середине 1950-х годов В. П. Данилов не мог, но читавшие его исследование историки были поражены смелостью автора. Удивительно, что диссертацию вообще удалось защитить.

После смерти И. В. Сталина многое стало меняться, и XX съезд КПСС, осудивший его культ личности, давал молодым историкам надежду на серьезные перемены. Однако очень скоро эти надежды сменились скепсисом, так что предложение возглавить творческий коллектив для подготовки академической истории коллективизации В. П. Данилов принял с неохотой: условий для того, чтобы написать полноценное, лишенное умолчаний исследование, в то время не было.

Следует учесть и обстановку, в которой формировались исторические взгляды Данилова: он еще в юности имел возможность познакомиться с работами Н. И. Бухарина и А. В. Чаянова[3]. Война, изнанку которой юный лейтенант изведал полной мерой, сделала его противником Сталина: бюрократизация советского строя убивает суть идеи социализма; социализм может быть только итогом революционного творчества народа, расти снизу, а не «строиться» сверху бюрократами.

Не случайно в Институте истории Данилов сблизился с группой историков-фронтовиков (К. Н. Тарновский, А. М. Анфимов, А. Я. Аврех), составивших «новое направление» в историографии. Они полагали, что официозная историография, стремясь доказать, что Россия не отставала сколько-нибудь существенно от Западной Европы, именно по западноевропейскому образцу выстраивала как отечественную, так и всеобщую историю. На деле капитализм в России стал развиваться гораздо позже, чем на Западе, и к началу XX века он лишь формировался, а структура аграрного строя оставалась, по сути, еще докапиталистической.

Уже к тому времени стало ясно, что базовые установки «Краткого курса истории ВКП(б)», выступавшего теоретической основой для историков 1940-х — начала 1950-х годов, оставались неизменными. Если Людмила Валериановна, по воле начальства вынужденная переключиться на проблемы историографии и теории, имела возможность сослаться на труды К. Маркса, в частности, на «Формы, предшествующие капиталистическому производству», то у Виктора Петровича был, по сути, один-единственный теоретический инструмент — все тот же ленинский план построе-

3. *Вылцан М. А.*, *Емец В. А.*, *Слеппев И. Н.* (2011). Виктор Петрович Данилов — фронтовик, гражданин, ученый, борец за демократию и свободу // *Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке: Избранные труды. В 2 ч. Ч. 1. М.: РОССПЭН. С. 31.

ния социализма, изложенный в статье «О кооперации», а также некоторое число статей В. И. Ленина, где говорилось о политике партии по отношению к середнякам. Если официозная историография толковала коллективизацию по-сталински как адекватное воплощение ленинского курса, то Данилов, опираясь на конкретные высказывания Ленина, мог лишь подтвердить архивными материалами возможность иной интерпретации этих высказываний. Иначе говоря, в монографии 1957 года и в более поздних своих работах Данилов использовал эзопов язык, подцензурно. Полемизировать и выражать свое несогласие с официальным курсом нельзя, но можно добавить кое-какие подробности и иначе истолковать некоторые частные проблемы, вследствие чего общая картина в восприятии читателей будет не совсем такой или совсем не такой, как это выглядит в официозных изданиях.

Так поступал В. П. Данилов в первой своей монографии, где ни словом не осуждал проведение коллективизации в 1930-е годы. Автор сообщал, что в стране хоть и наращивалось производство тракторов и производилась замена сох и прочих стародедовских орудий труда плугами, но отмечал, что в 1929 году в советском сельском хозяйстве имелось всего 34 943 трактора, так что их удельный вес в энергетических ресурсах сельского хозяйства составлял лишь 2,8%, а доля сохи в Центрально-Черноземном районе, т.е. в одной из самых хлебородных частей Европейской России, продолжала увеличиваться[4]. Поэтому и его дальнейшие слова о «мануфактурном периоде» в колхозном строительстве позволяют догадаться о его истинном отношении к проводившейся с начала 1930-х годов сплошной коллективизации[5]. Оно было критическим.

При этом он не был противником коллективизации как таковой и даже приводил слова Мао Цзэдуна о том, что в определенных условиях (они имелись в России и еще в большей мере в Китае) социальное преобразование деревни должно неизбежно опережать техническое[6], но весь вопрос — в мере, ибо «социальная революция и техническая революция в сельском хозяйстве неразрывно связаны между собой и составляют две стороны одного процесса»[7].

После XX и особенно XXII съезда КПСС было позволено осуждать «перегибы», допущенные при осуществлении коллективизации, — при обязательной оговорке, что они не должны ставить под сомнение правильность генеральной линии партии. В подготовлен-

4. *Данилов В. П.* (1957). Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. С. 391.
5. «Колхозы должны были в своем развитии пережить период мануфактурного развития, когда машинно-тракторная основа только еще подводилась под их производство, когда в последнем решающую роль играли рабочий скот, конный инвентарь и ручной труд крестьян, а не система машин, приводимых в движение тракторами» (Там же. С. 392).
6. Там же. С. 397.
7. Там же. С. 7.

ном В. П. Даниловым и его коллегами двухтомнике по истории коллективизации эти послабления были использованы в полной мере, но после снятия Н. С. Хрущева со всех постов уже сверстанный первый том «Коллективизации сельского хозяйства в СССР» так и не вышел в свет. Его «доработка» и «проработка» авторов длилась целых три года[8].

Новый идеологический курс, восстанавливая пошатнувшиеся в период с 1956 по 1964 год устои, обезличивал советскую историю: убирались имена Сталина и всяческих «врагов народа»; Сталин заменялся партией, идущей от победы к победе, а о прочих надлежало просто забыть, чтобы светлый образ партии оставался незамутненным. Нельзя было «смаковать» и так называемые перегибы и тему репрессий.

В этой обстановке В. П. Данилов, ставший к тому времени секретарем парткома Института истории, 19 февраля 1966 года выступил с докладом «Советская историческая наука и некоторые вопросы работы партийной организации Института истории АН СССР», где, прямо апеллируя к решениям XX съезда КПСС, говорил о свободе научного творчества как насущной необходимости, об избавлении от фигур умолчания и белых пятен. Умело составленный доклад, «обставленный» ссылками на классиков марксизма-ленинизма и на партийные документы, был почти неуязвим для критики, а потому власти приняли решение разделить единый Институт истории на два — Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Переизбрание новых партийных комитетов позволило избавиться от Данилова и прочих смутьянов[9]. Некоторое время Виктор Петрович ожидал ареста или ссылки куда-нибудь в глубинку, но все же остался в Институте истории СССР на должности старшего научного сотрудника, но вплоть до перестройки пребывал на положении изгоя.

Подобная же, но даже более суровая участь ожидала и Людмилу Валериановну. Если Виктору Петровичу все же было позволено выпустить двухтомник «Советская доколхозная деревня»[10] и на его основе защитить докторскую диссертацию, то работы его супруги вплоть до 1982 года в рамках сектора феодализма не публиковались вообще. О ней, по свидетельству Александра Владимировича,

8. *Данилов В. П.* (2011). История крестьянства России в XX веке: Избранные труды. Ч. 1. М.: РОССПЭН. С. 230–338.
9. Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями. 1966–1968 гг. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 44–80; 2008. № 1. С. 61–95; 2008. № 2. С. 44–83.
10. *Данилов В. П.* (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.: Наука; *Данилов В. П.* (1979). Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М.: Наука.

Б. Ф. Поршнев однажды высказался так: «Раньше таких расстреливали, а теперь мы будем перевоспитывать»[11].

А. В. Гордон: Но это не мои слова, это слова Виктора Петровича.

А. В. Журавель: Столь жесткое отношение к Л. В. Даниловой было следствием ее бескомпромиссности: в 1960-е годы она вела свою борьбу за свободу научного творчества и при этом посягнула на теоретическую основу «Краткого курса» — пятичленную теорию формаций.

Активно включившись в работу сектора методологии, возглавляемого М. Я. Гефтером, Людмила Валериановна стала ответственным редактором серии сборников «Проблемы истории докапиталистических обществ» и тем самым, по сути, координировала работу по этому направлению[12]. Из трех сборников, готовившихся к изданию, в свет вышел в 1968 году лишь первый[13], после чего работа над ними была насильственно остановлена.

К концу 1960-х годов Данилова подготовила монографию «Теоретические проблемы феодализма советской историографии», охватывавшую всю проблематику докапиталистических обществ, поскольку понятие феодализма применялось прежде ко всем докапиталистическим обществам — к восточным и европейским, к древним и средневековым — вплоть до нового и новейшего времени. Если бы эта книга вышла в свет вовремя, она, как и «Коллективизация», стала бы историографической «бомбой» и способна была существенно повлиять на развитие всей исторической науки в СССР[14], но «обсуждалась» еще дольше, чем «Коллективизация», и издана... лишь в ноябре 2024 года[15].

Л. В. Данилова наглядно показывала, что в советской историографии понятия политэкономии капитализма механически переносились на докапиталистические общества, что противоречило как взглядам К. Маркса, так и фактическому материалу, который разбирали историки; что модель развития западноевропейских об-

11. *Гордон А. В.* (2018). Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 187.
12. *Журавель А. В.* (2014). По пути наибольшего сопротивления (Памяти Л. В. Даниловой) // Отечественная история. № 2. С. 98–100; *Алымов С. С.* (2024). Второй марксизм: история сборника «Проблемы истории докапиталистических обществ» в письмах и документах // Новое литературное обозрение. № 5. С. 45–60.
13. Проблемы истории докапиталистических обществ (1968). Вып. 1. М.: Наука.
14. *Алымов С. С.* (2024). Как Москва не стала мировым центром марксистской антропологии: историк Л. В. Данилова, теоретические дискуссии 1960-х годов и международные контакты советских ученых // Этнографическое обозрение. № 2. С. 89–110.
15. *Данилова Л. В.* (2024). Теоретические проблемы феодализма советской историографии / Сост., ред., вступ. ст. и коммент. С. С. Алымов, А. В. Журавель. М.: ЛЕНАНД.

ществ применялась к другим странам, вынуждая историков «обнаруживать» переходы от рабовладения к феодализму и от феодализма к капитализму там, где обнаружить их невозможно. И, возможно, самое страшное «преступление» Даниловой заключалось в том, что она — в обстановке официозной линии на умолчание фигуры И. В. Сталина — позволила себе подробно проанализировать все его теоретические высказывания и показать их механистичность. Ее анализ, между прочим, косвенно свидетельствовал, что базовые положения «Краткого курса» оставались основополагающими для советской исторической науки.

Позднее, в беседе с австралийским историком Р. Марквиком, она вспоминала: «Мы начали поздно. Осенью 1964 года все было кончено. Но наш институт продолжал еще бороться за то, чтобы либерализация продолжилась. За возвращение к подлинному марксизму, за отказ от политиканства, от идеологических шор, которые были на глазах историков. Мы боролись. Наша партийная организация боролась своими методами. Наш сектор методологии научными методами боролся против неосталинизма. Мы знали, на что мы шли»[16].

В 1960-е годы историки Даниловы окончательно определились для себя: они не хотели становиться диссидентами и писать в стол, а сознательно готовили свои работы так, чтобы они могли пройти через цензуру[17]. Лучше сказать немногое, чем ничего; фактический материал скажет больше, чем общие формулировки. Об этом косвенно свидетельствует архив Людмилы Валериановны, с которым удалось познакомиться. В нем рукописей и черновиков опубликованных работ практически нет: из-за недостатка места в квартире хранить их казалось нецелесообразным. От такой «макулатуры» Даниловы освобождались.

Но это обстоятельство играет принципиальную роль при историографической оценке трудов В. П. Данилова. Буквальное прочтение его работ советского времени и прямое сопоставление их с его статьями и выступлениями послеперестроечных времен, когда Виктор Петрович с головой погрузился в изучение и издание недоступных ранее документов по истории крестьянства и коллективизации, порождают превратное впечатление, будто он в 1990-е годы в корне пересмотрел свои прежние взгляды, что из коммуниста он переродился в неонародника или сблизился в идейном отношении с «тоталитарной историографией». Наиболее отчетливо это выражено в работе Н. Г. Кедрова[18].

Однако при оценке взглядов любого ученого надо различать две стороны дела — базовую («аксиоматическую»), и критическую

16. Там же. С. 7.
17. Об этом я слышал лично от Л. В. Даниловой. Слова эти — не буквальная цитата, но за точность смысла ручаюсь.
18. *Кедров Н. Г.* (2019). Четыре концепции коллективизации В. П. Данилова // Крестьяноведение. Т. 4. № 3. С. 6–42.

(«теоремную»), более подвижную, зависящую от той информации, которая ему была доступна. Есть ли какие-либо основания утверждать, что Данилов к концу жизни хоть сколько-нибудь существенно изменил свою базу, т.е. представление о социализме как о порождении трудовой деятельности народа; отказался от ленинского кооперативного плана, включавшего в себя постепенное развертывание кооперации, начиная от простейших форм и завершая производственной, основанной на массовом внедрении в сельское хозяйство машинной техники; наконец, отказался от представления о том, что при Сталине произошла бюрократизация партии, так что она переставала выражать интересы народа? Ни на один из этих вопросов нельзя дать положительный ответ. Эту аксиоматику Данилов выработал еще в молодые годы и ей оставался верен до последних дней. Он оставался настоящим коммунистом, и это было главным. Он не изгибался вслед за какими угодно генеральными линиями, но по обстоятельствам жизни не мог это выразить открыто. Приходилось применять ту самую фигуру умолчания, против которой он протестовал в 1960-е годы.

Неонародником он тоже не был, так как, зная и ценя разработки А. В. Чаянова и его коллег, глядел на проблемы не глазами крестьянина-единоличника, а историка, понимающего, что самопроизвольное, без вмешательства из города, развитие множества единоличных хозяйств ведет в тупик. Переход к крупному сельскохозяйственному производству необходим, но прямо командовать крестьянами нельзя. Надо создавать условия для подобного перехода. При этом саму характеристику «народник» в смысле «защитник крестьянства» Виктор Петрович принимал, но это его этическая, а не методологическая позиция.

Таких взглядов Данилов придерживался как в 1950-е годы, так и в начале 2000-х. В конце жизни он называл это «бухаринской альтернативой», но это только новая маркировка старых идей: в советское время он не мог в полной мере выражать своих взглядов, а тем более сочувственно упоминать о Н. И. Бухарине и А. В. Чаянове.

При этом Виктор Петрович как историк развивался и совершенствовал свою «теоремную» часть. По мере того, как он знакомился с недоступными ранее источниками, критичность его высказываний по отношению к политике советской власти в годы «великого перелома» возрастала. Не удивительно, что ученый преимущественно стал обращать внимание на социально-политическую, а не социально-экономическую проблематику: ранее весь этот материал был попросту недоступен.

Я вижу только одно касающееся базы изменение: если первоначально Данилов, как и все советские историки, не имея данных о политической истории 1920–1930-х годов, видел в противостоянии советских партийных лидеров того времени идейную борьбу (как она выражалась в стенограммах партийных съездов и про-

чих открытых документах), то изучив закрытые ранее источники, он понял, что в партийных верхах шла обыкновенная борьба за власть, в которой все средства хороши; что партийные лидеры спорили о том, как добыть деньги, так что крестьянство было для них дойной коровой: спор был лишь о том, как с нее больше взять молока. Что же с коровой будет потом — не столь уж важно. Отсюда — и весьма жесткие даниловские оценки деятельности Сталина: реальное положение дел оказалось хуже, чем он думал в молодости. Но дело не только в Сталине. Хорошо помню краткую оценку только что прочитанных документов Политбюро конца 1920-х годов, которую дал Виктор Петрович, когда я спросил о его общем впечатлении. Он ответил: «Разбойники!» Он не стал говорить об одном «разбойнике» Сталине: «разбойниками» были все.

Но это было вовсе не «сближение с тоталитарной историографией», а реакция коммуниста на измену советских руководителей делу социализма. Поскольку НЭП они именно ломали. Лес рубят — щепки летят? Те, кто выжил, стал жить потом лучше, а техника в селе все же появилась? Но это позиция не марксиста, а скорее Йозефа Шумпетера, апологета капитализма.

Я не буду говорить о деятельности В. П. Данилова по подготовке и изданию сборников документов, отмечу лишь один момент. В период перестройки ранее «невыездной» историк стал наперебой приглашаться для чтения лекций в ведущие университеты Западной Европы, США и Японии, и на рубеже 1980–1990-х годов, как свидетельствовала Л. В. Данилова, на приеме в посольстве получил из уст американского посла в СССР Дж. Мэтлока приглашение возглавить кафедру в Гарвардском университете. Виктор Петрович ответил, что, как фронтовик, в трудное для страны время считает необходимым оставаться на родине. На это посол сказал: «Вы еще не знаете, что с вашей страной будет!» Мэтлок, получается, знал о грядущей гибели СССР...

Несколько слов о творческом взаимодействии ученых Даниловых. Нет оснований сомневаться, что они обменивались мыслями и обсуждали интересующие их вопросы на протяжении всей их совместной жизни. Это наверняка косвенно влияло и на их самостоятельное научное творчество. Общей живо интересующей их темой была судьба крестьянской общины в России; при этом Людмила Валериановна занималась ранней ее историей, а Виктор Петрович — последним этапом жизни общины. Но если Данилова выпустила об этом книгу[19], то Данилов, занявшись изданием сборников, написал лишь несколько статей. Но в 1970–1990-е годы вышло несколько их совместных работ, где Людмила Валериановна готовила разде-

19. *Данилова Л. В.* (1994). Сельская община в средневековой Руси. М.: Наука.

лы по теории и истории общины в России XI–XIX веков, а Виктор Петрович излагал материал советского времени[20].

В заключение нельзя не сказать и о посмертном двухтомнике избранных сочинений В. П. Данилова[21]. Основную работу по его подготовке проделала именно Людмила Валериановна. Помощь ей оказывали перечисленные в книге лица, но их роль была именно вспомогательной. Ей было в то время далеко за 80 лет, настоящий научный подвиг!

В. В. Кондрашин: Во-первых, спасибо за организацию круглого стола. Я с удовольствием послушал выступление А. В. Журавеля и многое узнал. Соглашусь с высказанной здесь критической оценкой работ Н. Г. Кедрова. Мне довелось слышать собственные воспоминания Виктора Петровича Данилова. Иногда в откровенных разговорах со мной он рассказывал, как он решил стать историком, много говорил о разных людях, о своем отношении к ним. Надо отдать должное, он всю жизнь оставался самим собой — честным коммунистом, идейным, порядочным человеком — таким он был молодым лейтенантом, таким оставался и до конца. Это проявилось и в его работах. Я исповедую такую философию, может, неверную: хорошие книги пишут хорошие люди. Суть науки — это правда, честность, здесь нельзя притворяться. Виктор Петрович был очень честным человеком и честным ученым. Я написал об этом большую статью, которая будет опубликована в ближайшее время в журнале «Вестник Самарского университета».

Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с Виктором Петровичем. Она меня с ним свела так: я приехал в Институт истории со своей рукописью статьи о голоде 1933 года к Владимиру Васильевичу Кабанову. Владимир Васильевич показал мою рукопись Виктору Петровичу Данилову, так я с ним познакомился. Ему понравилась моя статья, и он сказал, что ее опубликуют. Позднее, когда я лежал, выздоравливая после операции, увидел по телевизору передачу «Мысль», и там — заседание редколлегии журнала «Вопро-

---

20. *Данилов В. П., Данилова Л. В.* 1) Община // БСЭ. Т. 18. М., 1974; 2) Крестьянство // Политическая экономия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1975 (соавторы: С. Н. Надель, В. Г. Растянников); 3) Основные этапы развития крестьянского хозяйства // Аграрные структуры стран Востока. М., 1977 (соавтор: В. Г. Растянников); 4) Проблемы теории и истории общины // Община в Африке: Проблемы типологии. М., 1978; 5) Община // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. М., 1983; 6) Крестьянство // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. М., 1983; 7) Русская крестьянская община в современной историографии // Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. XXI сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблемы аграрной истории: тезисы докладов и сообщений. Казань, 22–25 октября 1986 г. М.: Ин-т истории СССР, 1986.

21. *Данилов В. П.* (2011). История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2 ч. М.: РОССПЭН.

сы истории», Виктор Петрович держит в руках мою рукопись и говорит: «Здесь один молодой человек из Пензы привез нам статью о голоде, и мы будем публиковать ее в журнале». Статью опубликовали. Но тогда, при первой встрече, Виктор Петрович спросил, кто я такой. Ответил, что работаю в Сельхозинституте и у меня не получается получить направление в Институт истории, потому что, как мне сказали в отделе кадров: «Академические институты не берут аспирантов из сельхозинститутов — только из университетов и пединститутов». Виктор Петрович неожиданно предложил: «Вы будете моим аспирантом, и подавайте заявление не в очную целевую аспирантуру, а в конкурсную». Был 1988-й, первый год, когда сменилось руководство института, и Виктор Петрович стал руководителем сектора. В журнале «Вопросы истории» тогда было объявление: «Объявляется конкурс в очную аспирантуру в Институт истории СССР — два места». Подразумевалось, что нужна московская прописка и надо потом работать в институте. В конкурсную аспирантуру, где было семь человек на место, подали два заявления присутствующие здесь Игорь Николаевич Слепнёв и ваш покорный слуга. Мы были оба без московской прописки. Мы сдавали вступительные экзамены по иностранному языку на кафедре английской филологии Академии наук, у меня были проблемы с английским языком, и я знаю, что Владимир Васильевич Кабанов по просьбе Виктора Петровича даже ходил в комиссию и говорил, чтобы мне не поставили тройку. Экзамены по специальности у нас принимали Владимир Петрович Дмитренко, Валентина Александровна Твардовская, Виктор Иванович Буганов, был и Виктор Петрович Данилов.

Одним словом, я стал аспирантом, и он мне поручил разрабатывать тему, которая была для тех времен просто невероятной: о голоде 1933 года. И когда я уже защищал диссертацию, помню, на защите один из членов комиссии спросил, зачем я вообще написал на такую тему. «Да, мы понимаем, у вас там 65 архивов, вы сотни деревень прошли, вы заслужили, но — зачем?» Кстати, перед защитой — у меня была защита номер два, защита номер один была у Елены Александровны Тюриной, мы защищались в один день — Виктор Петрович сказал: «Если будут голоса против, то это будут голоса не против тебя, а против меня». Все прошло, слава богу, хорошо, и дальше началась новая жизнь.

Есть еще один момент, личный. В свое время, когда я был сенатором, я приехал к Юрию Александровичу Петрову, директору Института российской истории, он меня несколько раз приглашал работать в институте, но никак не получалось. Я приехал и сказал: «Помните, Вы предлагали мне возглавить Центр экономической истории? — Да. Но тут проблема с жильем. — Она решаема. Но у меня есть одно условие, единственное, без которого я работать в Институте не буду: чтобы Центр находился в 31-м кабинете, где раньше размещалась аграрная группа». И вот сейчас в 31-м

кабинете находится Центр экономической истории, и над столом, за которым сидел В. П. Данилов, висит его портрет.

Виктор Петрович в 1990-е годы ездил в разные страны, и результатом этих поездок были крупные международные проекты. Что-то похожее было тогда только по истории Коминтерна, и — по аграрной истории. В то время нищета была, ученые с трудом выживали, кто-то сторожил, кто-то еще чем-то подрабатывал, я работал грузчиком, на баяне в метро играл... И когда появились эти международные проекты, мы начали получать деньги, которые позволяли хотя бы элементарно нормально жить. Когда шла работа над изданием «Трагедии советской деревни», то все рабочие группы по томам имели выплаты. Включая архивистов, которые получали мизерные зарплаты в архиве, теперь могли поддерживать свое физическое существование. И это длилось несколько лет, пока шла работа над серией. Сейчас некоторые люди стали выступать с обвинениями в наш адрес, якобы если ты получал грантовые деньги, ты уже выполнял чей-то заказ. Я считаю необходимым отреагировать на это официально и подчеркнуть, что в ходе той работы и Виктор Петрович, и все, кто с ним работал, были абсолютно самостоятельны в своих научных взглядах. Разве кто-то давал команды, как им писать, как делать? Нет. Никто нигде ни разу не дал никакой команды, и ни разу эти люди никакого «заказа» не выполнили. Честные ученые всегда работают честно.

Виктор Петрович был историком международного масштаба. В этом отношении мы пытаемся продолжать его линию. Наш Центр с прошлого года начал организовывать регулярные международные конференции «Даниловские чтения». Как руководитель центра я считаю, что необходимо всеми способами поддерживать и укреплять отношения с коллегами, которые занимаются аграрной историей за пределами нашей страны. Наш Центр, например, имеет тесные связи с Белоруссией, Кыргызстаном и Казахстаном. Недавно мы издали два огромных тома «Голод в России и Казахстане» и презентовали их во время визита В. В. Путина в Казахстан. Сейчас на базе Российского государственного архива экономики, благодаря поддержке Елены Александровны Тюриной, делаем огромные по объему тома документального проекта по Целине. У нас появилась «китайская специализация», мы поддерживаем особые отношения с КНР, бываем там. В нашем Центре родилась традиция: мы провели уже три «Даниловских чтения» — это международная конференция — с участием китайских коллег и историков стран СНГ. Надеемся со временем будем собирать специалистов и из других стран.

Еще одно, о чем мне хотелось бы сказать. У Данилова была группа сподвижников, я бы сказал, великих историков-аграрников. Виктор Петрович и его команда установили определенную планку, показали, какой научный уровень должен существовать в изучении аграрной истории, в публикации документов. И мы знаем, как

надо делать. Мы видим, как сейчас порой делают сборники документов — к сожалению, почти не делают так, как надо, в том академическом ключе, как это делал, в частности, Виктор Петрович. Поэтому мы сейчас стараемся в силу возможностей держать этот уровень. И нам не стыдно за нашу работу. Я, например, уверенно себя чувствую потому, что я знаю, что я делаю так, как делал бы Виктор Петрович.

Благодаря работе команды Виктора Петровича был дан толчок аграрным исследованиям в регионах. Так появились целые школы: в Тамбове работал С. А. Есиков, в Вологде работает М. А. Безнин, целая группа историков на Урале — Г. Е. Корнилов и другие. Такого тесного содружества специалистов, как у историков-аграрников, сейчас нет ни у кого, за исключением разве что археологов. Региональные школы аграрников продолжают сегодня дело Данилова.

В этом году мы, сообщество историков-аграрников, решили широко отметить юбилей Виктора Петровича. В прошлом году в Саранске проходила очередная, 39-я сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, где я являюсь сопредседателем оргкомитета, а ученым секретарем — Игорь Николаевич Слепнёв. Сессии обычно проходят раз в два года в разных городах. Когда речь зашла о том, что ожидается столетие со дня рождения Виктора Петровича Данилова, Юрий Александрович Петров предложил провести в 2025 году внеочередную, юбилейную сессию в нашем Институте российской истории и посвятить ее памяти Данилова. Надо сказать, что сначала эта идея была не поддержана частью оргкомитета, говорили: «Почему вы решили так выделить Данилова, у нас столько выдающихся историков-аграрников, и что это мы будем теперь по каждому юбилею сессию проводить?» На это я ответил и повторю здесь, что речь идет не только о Данилове, но о целом направлении аграрной историографии — ведущем, динамично развивающемся, самом плодовитом по количеству публикаций — аграрной истории XX века. Конечно, дело даже не в плодовитости, хотя больше всего у нас пишут по XX веку, отчасти — второй половине XIX века, а по всем остальным периодам истории — гораздо скромнее, но в том огромном научном, творческом потенциале, который был реализован в последние десятилетия нашими аграрниками. Во многом, если не в решающей степени, этот высокий уровень и эти успехи были достигнуты благодаря Виктору Петровичу Данилову. Потому что именно он, по сути, первым инициировал изучение так называемых белых пятен и неудобных тем аграрной истории России XX века. Он это сделал в рамках реализации выдающихся международных проектов по изданию документов, о которых здесь уже говорили: по истории крестьянского движения, крестьянской революции, истории коллективизации, истории советской деревни периода НЭПа, по истории кооперации, наконец, по переизданию трудов выдающихся теоретиков аграрно-крестьянской экономики, имена которых тоже впервые прозвучали так

громко и весомо благодаря Виктору Петровичу Данилову. Поэтому в этом году в ноябре состоится внеочередная сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, фонд «Отечество» уже поддержал нашу заявку. Тематика сессии будет посвящена аграрным школам, аграрным центрам и ученым, мы приглашаем к участию большое число специалистов из регионов.

И. А. Кузнецов: Выступавшие коллеги упомянули в критическом контексте статью Н. Г. Кедрова о Данилове, опубликованную некогда в журнале «Крестьяноведение». Хочется возразить. В работах этого автора мне кажется верным основной посыл о том, что пришло время перейти от юбилейных статей и некрологов к объективному анализу советского этапа нашей аграрной историографии. Насколько удачно автор решил поставленную задачу — спорный вопрос, возможно, время еще не пришло, но сам тезис заслуживал публикации и обсуждения. Тем более что его оценки творчества Данилова не просто декларировались, а аргументировались.

Мне не довелось близко общаться с Виктором Петровичем, но в моем представлении он относился к тем людям, которых я называю честными коммунистами. Коммунист, в советской идеологической парадигме, представлялся исключительно ортодоксальным марксистом, большевиком-ленинцем, однако изучение трудов российских народников второй половины XIX — начала XX века, неонародников начала XX века и европейских социал-демократов привело меня к выводу, что такое представление неверно, и это понятие гораздо шире. Многие народники исповедовали коммунистические идеалы, в частности, идеи коллективного, планового хозяйства (В. П. Воронцов, Н. А. Карышев и др.). При этом к марксизму они относились творчески, находя в нем интересные для себя элементы и строя из них различные новые конструкции. Таким же образом поступали неортодоксальные марксисты социал-демократы (ревизионисты). Именно в их среде родилась теория «постепенного развертывания кооперации, начиная от простейших форм и завершая производственной», о которой А. В. Журавель говорил как о близкой мировоззрению Данилова. В эпоху Данилова в нашей стране она была известна под псевдонимом «ленинского кооперативного плана», затем «бухаринской альтернативы». Однако впервые ее высказал австриец Ф. Герц и тут же подхватили русские социалисты разных оттенков: в 1900–1901 годах его книга была четырежды переведена на русский и пересказана в лекциях Карышева[22]. В межреволюционный период идея восходящих фаз ко-

22. *Гертц Ф. О.* (1900). Аграрный вопрос / Пер. с нем. под ред. А. А. Мануилова. М.: Тов-во типографии А. И. Мамонтова; *Гертц Ф. О.* (1900). Аграрные вопросы / Предисл. Э. Бернштейна; пер. А. Ильинского; редакция Д. Протопопова. СПб.: Издание т-ва «Знание»; *Гертц Ф. О.* (1900). Вопросы аграрной политики. С предисл. Э. Бернштейна. Харьков: Типо-лит. «Печатное дело»; *Гертц Ф. О.* (1901). Аграрные вопросы в связи с социа-

операции плотно вошла в неонароднический дискурс, откуда ее на некоторое время, после провала своего «военного коммунизма», позаимствовали большевики. С началом коллективизации они сняли с повестки обсуждение кооперативной идеи, объявив колхоз ее воплощением. Вряд ли можно сомневаться в коммунистическом характере этой идеи, но к марксизму она не имеет отношения, противореча классовой теории К. Маркса, она порождена другой ветвью социалистической мысли. Мне кажется, пора выйти из советской идеологической парадигмы, в которой народничество мыслилось несовместимым с коммунизмом, а приверженность народническим идеям была для советского историка преступлением. С моей точки зрения, Данилов, как и его коллеги-шестидесятники из так называемого «нового направления», как и другие яркие советские ученые-историки, безусловно оставаясь коммунистами, нередко (и неосознанно) переходили в парадигму народничества, неонародничества и других левых теорий немарксистского типа. Во всяком случае, я не вижу противоречия в том, чтобы считать Данилова одновременно и убежденным коммунистом, и неонародником.

В этом контексте — истории идей в советских гуманитарных науках — мне представляется чрезвычайно интересной и перспективной для изучения история «даниловского парткома», о которой говорил А. В. Журавель. В течение двух лет (1966–1968) Данилов возглавлял партийную организацию Института истории, поднявшую идеологический бунт против ресталинизации, за свободу дискуссий и научного творчества. На его подавление были брошены немалые силы партийно-идеологического и цензурного аппарата. Именно тогда были сформулированы многие положения новой историографической парадигмы, впоследствии развернутые историками в годы перестройки, которые в конечном счете привели к разрушению всего здания советского тоталитарного социализма, сначала идейному, затем и практическому. Такое исследование, думается, — дело следующего поколения историков, которые будут находить для истории XX века новые контексты и иные парадигмы. И, не сомневаюсь, заново откроют для себя имя Виктора Петровича Данилова.

А. В. Гордон: Краткая реплика по поводу прозвучавшего наблюдения насчет честных коммунистов и коммунизма «с человеческим лицом» — это точно, это были партийные люди, которые были выдвинуты или пробуждены XX съездом, надеждами на либерализацию и на творческое обновление марксистской теории, которая была у нас низведена до классовой арифметики. Спрашивал у Леонида Борисовича Алаева — крупнейшего индолога — как все это

лизмом. С предисл. Э. Бернштейна / Пер. с нем. под ред. И. С. Дурново. М.: Изд. книжного склада Д. П. Ефимова. Теорию Герца о 10 фазах кооперации см. в переводе А. Ильинского: с. 277–296; в пер. И. С. Дурново: с. 283–303; *Карышев Н. А.* (1905). Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве. М.: тип. т-ва И. Д. Сытина. С. 169–195.

переживалось? Он говорил, что вступил в партию в этот момент, после XX съезда, в надежде на то, что будет обновление, он хотел преобразований. Потом вышел из партии в перестройку, тоже потому что хотел обновлений — такой круг получился с партийностью.

С Виктором Петровичем я познакомился заочно. Я смотрел литературу в нашем Белом зале в Институте научной информации по общественным наукам, и попалась мне рецензия в American Historical Review на книгу Виктора Петровича, упомянутую «Доколхозную деревню». Рецензия мне очень понравилась, потому что журнал был умный, и он здорово подмечал все особенности советской историографии, а тут — положительная рецензия. Надо сказать, что имя Виктора Петровича тогда было окружено известным ореолом, который далеко выходил за пределы русистики, истории СССР, и я его знал по сборникам востоковедения, где он публиковался благодаря связям с Виктором Георгиевичем Растянниковым, тоже коммунистом новаторского направления. Я позвонил Виктору Петровичу, сказал ему, что в таком-то журнале хорошая рецензия. Он совершенно не обрадовался, сказал: «Спасибо, очень приятно, но Вы это не обнародуйте, пожалуйста. Когда я защищусь, тогда можете об этом говорить».

В начале 1990-х годов я узнал, что Виктор Петрович занялся крестьяноведением, стал работать семинар в Институте российской истории. Меня это удивило: Виктор Петрович до конца, как мне кажется, оставался сторонником аграрного марксизма и классового подхода к крестьянству. Но как исследователь он был в поиске. Мировоззренческая парадигма менялась, и то, чем занимался Виктор Петрович, надо было встраивать в новую парадигму. Он это органично чувствовал. Отсюда, по-моему, очень знаменательное сближение его с Теодором Шаниным и разработка крестьяноведческих сюжетов.

Но советского крестьяноведения фактически не было, значит, надо было обратиться к изучению западных теорий. Встал вопрос об издании в России хрестоматии Теодора «Великий незнакомец». В издательстве «Прогресс» редактор Е. Н. Самойло пришла в ужас, потому что Теодор просто дал ей свою книгу «Peasants and Peasant Societies», нашел случайных переводчиков и устранился. Будучи вдумчивым редактором, Елена Николаевна увидела, что переводы хромают, переводчики не разбираются в теме. Приближались сроки, кто-то ее вывел на меня. Когда я увидел, в каком состоянии русское издание, меня взяла оторопь. К счастью, у нас в ИНИОНе есть коллега — Юрий Викторович Чайников, большой поклонник Чаянова, он очень хорошо знал аграрную тематику и, будучи переводчиком с польского, английский тоже хорошо знал. Он-то и выручил. При этом возник щекотливый вопрос: у Теодора даже Чаянова излагал английский автор. Куда это годилось — для России издаем, и брать иноземца, чтобы вернуть в российскую науку имя Чаянова? Нашли ту статью в оригинале. Но возник другой вопрос:

почему одного Чаянова? И вообще, почему в этой хрестоматии нет российских аграрников? Слава богу, аграрная наука в России была на мировом уровне. На свой страх и риск, не согласовав с Теодором, начал включать тексты отечественных ученых, прежде всего из организационно-производственного направления. Все шло хорошо, но, когда Теодор увидел, что получилось, он сказал: *это не Шанинская хрестоматия, а Гордонинская*. Переложил все на Виктора Петровича. Тот написал в качестве предисловия большую статью, но макет оставался тот, что подготовил я. В. П. справедливо решил, вероятно, с подсказки Самойло, что мой вклад должен быть оценен. Позвонил и сказал: хочет, чтобы моя фамилия оставалась в издании. Для меня такое предложение стало полной неожиданностью: меня же отвергли. А он ответил: «Ничего, редактором будете значиться Вы»[23]. Я, конечно, согласился. Такой был чисто по-человечески очень приятный момент наших отношений!

В теоретических вопросах мы с Виктором Петровичем принципиально расходились, что отчетливо обнаружилось на сессии Симпозиума по аграрной истории в Вологде (2000 г.). В изучении сельского населения существует властная тенденция жестко привязывать крестьянскую культуру к так называемому традиционному, общинному крестьянству, ведущему натуральное хозяйство на основе ручного труда членов семьи и социально обусловленного доступа к земле. Соответственно, индивидуализация, коммерциализация и механизация рассматриваются с этих позиций как факторы раскрестьянивания. В результате вся культурная история сельского населения Земли видится лишь в аспекте деградации как утраты традиционных патриархальных черт. Такая апокалиптическая картина донельзя сходится с хорошо знакомым по русской истории народническим представлением о постоянном ухудшении крестьянской жизни, выраженным классической фразой «народ хирел, а государство пухло».

На упомянутой Вологодской сессии М. Д. Карпачев, а затем я выступили против подобных представлений об эволюции русского крестьянства в пореформенный период. Нельзя изображать крестьянина только (по удачному выражению В. Т. Логинова) «страстотерпцем», вся история которого сводится к усилению гнета. Были в пореформенный период и позитивные сдвиги: расширение сферы занятости, рост продуктивности земли, преодоление хронических массовых голодовок. Были позитивные изменения и в культуре, связанные с благоустройством быта и с тем, что в социологической литературе называется «модернизацией личности» — развитием самосознания, личной инициативы, хозяйственной активности,

23. Великий незнакомец (1992): крестьяне и фермеры в современном мире: Хрестоматия. Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин; предисл. к рус. изд. В. П. Данилова, под ред. А. В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия».

ослаблением того, что Лев Толстой называл «роевым сознанием». В. П. воспринял мои выкладки как покушение на теорию революции. Между тем я отнюдь не считал, что с частичным улучшением сельской жизни конфликты в деревне исчезли. Наоборот, я утверждал, что весь процесс аграрной модернизации в России (как происходило и в третьем мире) носил крайне противоречивый характер. Более того, коммерциализация и индивидуализация сельской жизни, «демонстрационный эффект», укрепление благополучия одних при пауперизации других усиливали эти противоречия.

Подобные разногласия возникали и на семинаре по аграрной истории, который учредил В. П. Данилов при поддержке Теодора Шанина в Интерцентре. О значении семинара следует сказать особо. С 1930-х годов исследования советских историков-аграрников развивались почти в полном отрыве от мировой науки. В начале 1990-х годов Шанин и Данилов поставили задачей преодолеть этот разрыв, ознакомив отечественных ученых с методами работы западных коллег. Так возник этот уникальный исследовательский и информационный институт, на заседаниях которого рассматривались важнейшие концепции аграрного развития, анализировались классические труды в этой области. Заседания вызывали большой интерес среди московских историков, а благодаря журналу «Отечественная история» их материалы становились известны общероссийской научной общественности. Бывая в регионах, я часто слышал заинтересованные отзывы местных исследователей. Показательны также ссылки на обсуждавшиеся на семинаре книги и высказанные участниками семинара мнения[24].

Знакомство с современной французской деревней укрепили мою убежденность в сохраняющемся значении семейной формы организации хозяйства как необходимой ячейки современного сельхозпроизводства. По этому поводу у нас с В. П. постоянно возникала полемика. Приехал он из Канады и говорит: «А. В., в Канаде семейное хозяйство изживается». «Виктор Петрович, — отвечаю я ему, — за 100 лет до Вас в Канаде побывал Кропоткин, и он подметил, что «мамонтовы фермы» на тысячах га пашни не вытеснили ферму семейную. Если, спустя целый век, Вы отметили ее существование, значит, она заняла какую-то нишу даже в столь высокоинтегрированном национальном производстве, как канадское». В. П. подтвердил, что ниша действительно есть, например, в птицеводстве — это выращивание бройлеров, взятых в крупных инкубаторах...

Память возвращает к последней полемике с Виктором Петровичем. Проходило заседание того аграрного семинара, который ныне возглавил А. М. Никулин и который радикально изменил свой ха-

24. Материалы семинара позднее были изданы: Современное крестьяноведение и аграрная история в XX веке / Под ред. В. В. Бабашкина. М.: РОССПЭН, 2015.

рактер: 1) он обращен к проблемам современной России, 2) вместо историков тон задают социологи. Г. А. Родионова на материалах полевых исследований делала доклад о сельской бедности. При обсуждении я заговорил о том, что у проблемы, кроме социально-экономических и политических предпосылок, есть культурные аспекты. Что я имел в виду? В мировой литературе существует понятие «культура бедности». Применительно к реальностям отечественной деревни смысл его видится в том, что на определенном этапе ее трансформации экономическая бедность деревни обернулась глубокой депрессией, настроениями иждивенчества и обреченности у ее жителей. Одними госсубсидиями здесь не обойдешься — они усиливают иждивенческие настроения.

Высказав все это, я позволил себе сопоставление с современной китайской деревней. Китайский крестьянин при социализме не знал ни госсубсидий, ни даже элементарного социального обеспечения со стороны государства. В отношении школы, медицины, пособий он мог рассчитывать только на себя, свою семью, свою коммуну. Многое изменилось в Китае в условиях рыночных реформ; но во многих даже относительно благополучных регионах китайская деревня остается беднее российской[25]. А вот «культура бедности», хотя и возрастает в последнее время, остается еще в КНР менее распространенным явлением. Получив возможность покончить с хроническим голодом времен агросоциализма, крестьянская масса сохраняет уверенность в значении личных трудовых усилий для улучшения своего положения; и эта уверенность — тут я сослался на свои впечатления — достаточно ощутима, становясь мощным производственным фактором. В. П. Данилов категорически отверг мои доводы. «Что же получается, — заявил он, — крестьянин сам виноват в своей нищете? А где же государство?» При этом он полемизировал не только со мной, но и с другими участниками обсуждения, которые высказывали сходные соображения. Виктор Петрович ушел крайне раздосадованным.

Были и вопросы, где наши позиции сближались. Сейчас вновь принято говорить об «объективной необходимости» коллективизации. На памятной Вологодской сессии кто-то из «традиционников» попытался скрестить позиции Виктора Петровича до перестройки и после: *Как же так, Вы же сами писали раньше о необходимости коллективизации, значении ее для победы в Великой Отечественной*? В. П. с возмущением отверг ссылку: «*Победили не благодаря, а вопреки аграрной политике Сталина*».

Задумывая свое выступление на семинаре памяти В. П. Данилова, я колебался, позволительно ли сосредоточиться на полемике с Виктором Петровичем. Все же я выбрал такой вариант, ведь при этом выявилась замечательная особенность ученого. Будучи убе-

25. См. подробнее: *Гордон А. В.* (2006). Опыт аграрных преобразований в КНР // Россия и современный мир. № 2. С. 83–100.

жденным в своей правоте и последовательно отстаивая свою позицию, он постоянно давал мне возможность столь же последовательно защищать иную позицию, уважая вполне мою убежденность. Более того, начиная с издания хрестоматии Шанина «Великий незнакомец», мы постоянно сотрудничали на деловой и человеческой основе. Приятно об этом вспоминать. И думаю, поучительно.

Участники нашего мемориального собрания прекрасно знают, что самое страшное для любого человека — это забвение и самая убийственная критика для ученого — это критика молчанием. И если мы будем в своих размышлениях продолжать диалог с мыслью Виктора Петровича, отталкиваться от его трудов, даже полемизируя с ним, то дело, которое он делал в течение всей своей жизни, — правое. Главное, его человеческие качества, его натура ученого, преданного избранному делу, остаются в наших сердцах.

Е. А. Тюрина: Хотела бы сказать несколько слов о Викторе Петровиче. Я познакомилась с ним в 1979 году, а в 1980 году стала начальником отдела публикаций Архива экономики, который в то время назывался Архивом народного хозяйства (ЦГАНХ СССР). Он пришел в архив, мы тогда готовили под его редакцией сборник документов «Кооперативно-колхозное строительство в СССР». И он работал в архиве так, как никто другой. Он был ненасытен к архивным документам. Количество фронтально выявленных документов — это значит, по всем фондам, в которых могут быть нужные материалы — было огромным, складировались невероятные количества копий. Однако отобрать наиболее ценные документы из очень большого количества — это тяжелый труд. И отбор становился классикой жанра. Виктор Петрович много говорил об этом, и в период нашей работы мы, все, кто работал с ним, слышали очень много его ценных мыслей. Его первая забота состояла в том, что он понимал ограниченность источниковой базы и стремился ее преодолеть: научность, убедительность и адекватность исследования обеспечивается тогда, когда автор понимает, что привлек самый широкий круг источников из всех возможных, позволяющий осветить все нюансы, которые можно найти в этом материале. Виктор Петрович был королем этого жанра, и с ним было очень интересно работать.

С этого сборника началась вторая «эпопея» Виктора Петровича по изучению и изданию истории коллективизации. Сборник по своему замыслу был по тому времени очень прогрессивным, прорывным. Но глава архивной отрасли, начальник Главного архивного управления при Совете Министров СССР Ф. М. Ваганов, назначенный из ЦК, был злейшим врагом «правого уклона». Виктор Петрович ходил к нему на прием: нужно было разрешение на выявление документов в ЦПА ИМЛ для сборника. Писали письмо директору Института марксизма-ленинизма. Но нам отказали. Поэтому сборник, готовившийся в 1979 году, был подписан к изданию только в 1989 году и только в 1990-м вышел в издательстве «Наука» — потому что мы хотели его содержательного насыщения. В итоге здесь

впервые были опубликованы материалы различных сельскохозяйственных организаций, документы А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева. В ходе работы — когда я была уже зам. директора по науке в Архиве народного хозяйства — делала запрос в архив КГБ о некоторых исторических личностях для биографических комментариев в сборнике. Руководитель этого архива, В. К. Виноградов, разбил меня тогда в пух и прах — как я смела просить такое!

А через несколько лет мы в Центральном архиве ФСБ уже брали документы, по которым составили три огромных серии: «Трагедия советской деревни», «Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД» и «Голод в СССР», в подготовке которых активно участвовали сотрудники ЦА ФСБ. База документов по этой тематике, которая сейчас сложилась, — это убедительнейший источник, и это останется в исторической памяти. Это памятник на века, какие бы катаклизмы ни происходили. Два недавних тома серии «Голод в России и Казахстане» содержат документы, которые почти не нуждаются в комментариях, потому что все, что можно сказать по голоду, — все на поверхности. Виктор Петрович о таком мог бы мечтать, наверное.

И еще хочу сказать о том, что Виктор Петрович понимал международную значимость коллективных исследований, о которых здесь говорили. Среди первых зарубежных ученых, которые пришли в наш архив в начале 1990-х, был Теодор Шанин. Он нам помогал в работе с фондом А. В. Чаянова — мы организовали в архиве Чаяновский центр и приняли от его сына, Василия Александровича Чаянова, документы на хранение. Затем Роберт Дэвис, один из партнеров Виктора Петровича по переписке, как я понимаю, с 1960-х годов. Затем Моше Левин, человек, который вел у нас исследования по истории крестьянства. Также работал Алексис Берелович, были и другие исследователи, это большое сообщество людей, которых в советские времена называли «историки-объективисты». И я счастлива тем, что сообщество историков с мировым именем работали вместе с нами. Интернациональное сообщество ученых, которое организовалось, очень активно участвовало во всех наших проектах. В этом огромная заслуга Виктора Петровича, ученого высокого уровня, который тогда олицетворял российскую историографию и принимался в таком качестве всеми нашими коллегами из разных стран. Как часто говорил мой отец, физик, академик, всю жизнь проработавший в ФИАН, «наука — явление международное, иного не бывает».

И. Н. Слеппёв: Мое выступление будет более личным по характеру. С Виктором Викторовичем [Кондрашиным] я встретился со своих первых шагов на академическом поприще, познакомился с ним перед вступительными экзаменами в аспирантуру Института в 1988 году, куда мы вместе поступили. Я стал аспирантом Андрея Матвеевича Анфимова, занимался второй половиной XIX века, но мы часто пересекались и в институте, и в библиотеке. Полем пересечения у нас была тема голода, потому что Виктор Викторович занимался голодом

1932–1933 годов, а я — историей голода 1891–1892 годов, когда погибло порядка полумиллиона крестьян. Конечно, мы обсуждали все эти вопросы, находили какие-то параллели, в частности, пришли к выводу, что существовали и некоторые общие причины тех трагедий, которые постигли российское крестьянство в конце XIX века и в 1930-х годов при советской власти. Общими механизмами были процессы индустриализации. Когда мы пришли к такому выводу, Виктор Викторович сказал: «Давай я познакомлю тебя со своим научным руководителем». Надо сказать, что А. М. Анфимов был на 10 лет старше В. П. Данилова, к тому времени был консультантом и в институте не появлялся. Я приезжал к нему домой на Ленинский проспект, мы обсуждали работу над кандидатской диссертацией, он периодически давал мне какие-то поручения: поработать в библиотеке, как раз тогда готовился известный статистико-документальный сборник «Россия: 1913 год», поручил мне составлять именной указатель к сборнику «Крестьянское движение в России 1901–1904 гг.»... И Виктор Викторович представил меня Виктору Петровичу в личном общении, как аспиранта Института, в 31-й аудитории это все происходило, где сейчас висит его портрет и где находится Центр экономической истории. У нас прошла очень интересная беседа. Полагаю, Виктор Петрович общался со своим близким коллегой Анфимовым и Андрей Матвеевич замолвил словечко о какой-то поддержке своему аспиранту, то есть мне. В итоге в 1992 году, когда я защищался, оппонентом по диссертации был В. П. Данилов. Защита прошла успешно, и затем в этом же году состоялось первое заседание семинара «Современные концепции аграрного развития», созданного Виктором Петровичем с Теодором Шаниным. Данилов пригласил меня на это заседание. Первое заседание проходило не на территории Академии народного хозяйства, как все последующие, а на втором этаже во 2-й аудитории Института российской истории РАН. Я постарался по возможности эффективно использовать предоставленную площадку и изложить результаты своей работы по кандидатской диссертации, в частности, теоретические выводы о причинах голода 1867-1868 года в Смоленской губернии, 1873-1874 года в Самарской губернии, голодовок 1880-1881 и 1891-1892 годов в связи с реализацией программы строительства сети российских железных дорог в конце XIX века. Надо сказать, что тандем Т. Шанин — В. П. Данилов был гениальным. Эти семинары для меня оказались основополагающими, повлияли на структуру научных интересов и дальнейшей работы.

Середина 1990-х была тяжелейшим временем для ученых, с полунищенскими зарплатами, с полунищенским существованием. У входа в Институт висели всякие предложения о дополнительном заработке. Я даже несколько месяцев брал подработку: несколько часов в неделю нужно было обходить недвижимость, и за это я получал больше, чем за месяц работы в институте. В самом Институте была конкуренция за место уборщицы... В общем, ситуация была тяжелая. И одновременно мне поступали предложения о переходе в международный

отдел Академии наук, в только что созданные научные фонды. В 1992 году был создан РФФИ, из него в 1994 году отпочковался РГНФ. Было сложно принять решение о кардинальном переходе, и я посоветовался с Виктором Петровичем. Он одобрил. В итоге я перешел в РГНФ. В Фонде наши контакты не прекратились: во-первых, он работал в экспертной системе, во-вторых, позволял мне поддерживать научную квалификацию тем, что приглашал участвовать в семинаре «Современные концепции аграрного развития» и в конференции «Куда идет Россия?». В 1994 году проходила российско-американская конференция «Менталитет и аграрное развитие России», организованная при участии Института российской истории и МГУ. Со стороны Института конференцию возглавил Данилов, со стороны МГУ — Л. В. Милов, меня пригласили в качестве ученого секретаря. В итоге по результатам конференции был издан до сих пор интересный сборник статей[26]. Еще хотелось бы сказать о внимательном и бережном отношении Данилова к наследию своего соратника, А. М. Анфимова, ушедшего из жизни в 1995 году. Благодаря его усилиям была подана заявка и поддержан проект издания сборника документов «Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.», который в советское время не мог увидеть свет по каким-то идеологическим соображениям — единственный том из знаменитой Дружининской серии. Данилов в это время развивал теорию крестьянской революции 1902–1922 годов, начало которой рассматривалось в связи с Харьковскими и Полтавскими событиями 1902 года. И эта завершающая часть Дружининской серии была издана[27]. Оставалась не опубликованной последняя, итоговая работа Андрея Матвеевича о Столыпинской аграрной реформе, носившая рабочее название «Реформа на крови». Долго это не удавалось, в 1991 году был рассыпан набор этой книги в издательстве «Наука», он рукопись и в Японию переправлял, и в Индии пытался найти издателя... И тогда Виктор Петрович опубликовал в первом выпуске ежегодника «Крестьяноведение» пятую, самую острую главу этой книги[28]. И этим во многом поспособствовал тому, что через несколько лет в Институте российской истории по инициативе А. П. Корелина издали книгу под названием «Столыпин и российское крестьянство»[29]. В заключение хотелось бы поблагодарить журнал «Крестьяноведение» за организацию и приглашение на этот круглый стол и повторить, что 2025

26. Менталитет и аграрное развитие России: XIX–XX вв. (1996): материалы международной конференции. Москва, 14–15 июня 1994 г. / [Редкол.: В. П. Данилов, Л. В. Милов (отв. редакторы) и др.]. М.: РОССПЭН.
27. Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. (1998): сборник документов / Отв. ред. А. М. Анфимов. М.: Наука.
28. *Анфимов А. М.* (1996). Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) (глава из книги) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М.: Аспект-пресс. С. 60–95.
29. *Анфимов А. М.* (2002). П. А. Столыпин и российское крестьянство. М.: ИРИ РАН.

год столетия В. П. Данилова. На базе Института российской истории, Центра экономической истории будут проводиться и Четвертые Даниловские чтения, а 12–14 ноября этого года состоится внеочередная XL сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, одного из старейших научных форумов России, действующего с 1957 года. Сессия будет посвящена научным школам российской аграрной истории и 100-летию со дня рождения В. П. Данилова.

Е. В. Данилова: В первую очередь я благодарна всем коллегам, кто сказал здесь добрые слова про моего отца. Это очень важно для меня. Я услышала немало интересного, нашла подтверждение некоторым своим мыслям. Для меня самым главным в отце была его очень высокая морально-этическая планка и гражданственность. И решение, о котором здесь говорили, не писать «в стол», а идти на хоть какой-то возможный компромисс, — было принято ради гражданственности, чтобы ситуация постепенно как-то менялась. И я рада, что в какой-то степени это у него получилось. Служение науке состоялось. Мои родители были людьми служащими. Конечно, у них был и чисто научный интерес, было и стремление к самореализации исследователя, но был и мотив служения, поиска правды. Они были, говоря религиозными словами, «алчущими и жаждущими правды». Конечно, эволюция взглядов у отца была. В армии он был пламенным комсомольцем. По его словам, после войны уже стал антисталинистом. Мама гораздо медленнее шла в этом плане. Еще я хотела сказать, что жизнь родителей была очень тяжелой. Именно из-за проблем научных исследований. Они чувствовали себя загнанными в угол и до, и даже отчасти после перестройки, хотя у отца эти поездки по региональным архивам и были отдушиной. А работу в архивах он считал сверхважной, но он все-таки хотел написать и теоретическую работу, которую не успел. Видя их проблемы в конце советского времени, я даже считала, что работать в области гуманитарных наук вообще невозможно. Наверное, поэтому выбрала физику.

Е. А. Тюрина: Мне о Вас рассказывал Юрий Николаевич Вавилов, он тоже в ФИАНе работал.

Е. В. Данилова: Мы с ним работали в одной лаборатории.

В. О. Афанасенков: Мне не довелось знать Виктора Петровича лично в силу моего возраста. Когда его не стало, я только-только заканчивал первый класс. Однако мне выпала честь сравнительно близко, пускай и не очень долго, знать Теодора Шанина. В последние полтора года его жизни мы на более или менее регулярной основе встречались и беседовали на разные темы. По большей части я рассказывал о прочитанном за время, прошедшее с момента нашей последней встречи. В это время я знакомился в том числе и с работами Виктора Петровича. Теодор периодически прерывал меня и давал комментарии. Почти всегда разговор выводил нас к Виктору Петровичу. Если Теодор слышал что-то ценное, новое, он с горечью говорил: «Жаль, Виктор этого не слышит». Почти всегда это кончалось одинаково. Думаю, я имею право говорить об этом, так как это факт,

известный не только близким к Теодору людям. Он был человеком очень эмоциональным, и своих эмоций не стеснялся. Своих слез он не скрывал, скорбя о своем друге. Теодор так и не смог принять его потерю, примириться с ней. В прошлом году изданы мемуары Теодора Шанина[30]. Мне кажется, упоминающийся в них образ Виктора Петровича был ключевой, связывающий воедино все осколки шанинских воспоминаний о России.

А. М. Никулин: Уважаемые коллеги, наш круглый стол завершает свою работу. Сегодня нам удалось обсудить многие замечательные, дорогие черты Виктора Петровича Данилова, воссоздавая в памяти его образ настоящего ученого и человека. В развитие ваших воспоминаний кратко поделюсь своими мыслями о Викторе Петровиче.

Я впервые познакомился Даниловым в годы перестройки, будучи аспирантом сектора истории экономической мысли Института экономики СССР (тогда еще не РАН), когда меня попросили организовать встречу стажировавшегося в нашем секторе японского ученого Садаму Кодзимы с Виктором Петровичем Даниловым. Вот так с профессором Кодзимой мы оказались в гостях у профессора Данилова в его уже упоминавшемся легендарном 31-м кабинете в Институте истории СССР. Садаму Кодзима — японский чаяновед[31] — много расспрашивал Виктора Петровича об аграрной мысли и политической ситуации 1920-х годов в СССР. Для меня, писавшего в то время диссертацию по научному наследию А. В. Чаянова, эта беседа была чрезвычайно интересной и полезной. Начиная с этой встречи и в неоднократных последующих научных событиях и мероприятиях с иностранными коллегами я имел возможность убедиться, насколько для многих из них (от Моше Левина до Джима Скотта) во многом центральной интеллектуальной фигурой аграрной исторической науки советского периода являлась личность Виктора Петровича Данилова.

С середины 1990-х годов, почти десять лет, мне пришлось работать рядом с Виктором Петровичем в Центре крестьяноведения и аграрных реформ Интерцентр/МВШСЭН. Здесь я, занимаясь преимущественно современной сельской социологической проблематикой под руководством Теодора Шанина[32], с интересом наблюдал за работой историков, коллег Виктора Петровича Данилова и его ассистентов — сначала Анастасии Растеряевой, а затем Сергея Мякинькова.

---

30. *Шанин Т.* (2024). Стать Теодором: от ребенка войны до профессора-визионера. М.: Новое литературное обозрение.
31. Чтобы не было путаницы в упоминании японских ученых-однофамильцев, отмечу, что кроме профессора Садаму Кодзимы с Виктором Петровичем поддерживал сотрудничество другой замечательный японский профессор-аграрник Сюити Кодзима.
32. Мои впечатления о дружбе и взаимоотношениях Виктора Данилова и Теодора Шанина я описал в интервью: *Докторов Б. З.*, *Никулин А. М.* (2020). Теодор Шанин: крестьяноведение и Россия // Крестьяноведение. Т. 5. № 3. С. 155–157.

Это было как раз время работы Данилова над его знаменитыми многотомными архивными российскими и международными проектами о крестьянских войнах, трагедии раскулачивания и коллективизации советской деревни, рядом других исследований. Конечно, наши даниловские исторические и шанинские социологические исследовательские сюжеты при этом часто пересекались в издании ежегодника «Крестьяноведение», проведении крестьяноведческого семинара «Современные концепции аграрного развития», организации историко-социологических секций «Пути России».

Данилов производил на меня большое впечатление не только как глубокий ученый-исследователь, в нем был виден дар именно крупного руководителя и организатора науки, дар, который, на мой взгляд, был прерван, заблокирован его двадцатилетней идеологической опалой 1960–1970-х годов.

Я напомню, что на междисциплинарном симпозиуме «Пути России» в 1990-е годы и в начале 2000-х тон задавали шестидесятники-обществоведы. Как-то, наблюдая на симпозиуме за выступлениями социолога Юрия Левады, экономиста Льва Никифорова, историка Виктора Данилова, я осознал, что все они во второй половине шестидесятых годов были молодыми яркими учеными, руководителями партийных организаций своих академических институтов. И каждому из них в конце 1960-х — начале 1970-х годов пришлось попасть под огонь ортодоксально-консервативной критики, инициировавшей против них и их коллег идеологические кампании травли с взысканиями по партийной линии, отстранением от руководства научной и партийной работой. Именно в то время была в значительной степени загублена та самая альтернатива социализма с человеческим лицом, ярким выразителем которой являлся Виктор Петрович. Все же, несмотря на все зигзаги российского исторического процесса, давайте беречь и развивать умение мыслить альтернативами. В этом пусть нашим надежным ориентиром будет профессиональное и этическое наследие Виктора Петровича Данилова.

В заключение от имени редколлегии журнала «Крестьяноведение» я рад объявить о принятом решении в каждом из номеров нашего журнала в этом, 2025 году публиковать тексты, связанные с памятью профессора Данилова, значит, готовим к публикации и материалы нашего сегодняшнего круглого стола. Всем большое спасибо!

Round table of the Russian Peasant Studies for the 100th anniversary of Professor Viktor Petrovich Danilov

Alexander V. Zhuravel, Historian, Independent Researcher. Profsoyuzov St. 1, Bryansk, 241022, Russia.

Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Chief Researcher, Head of the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russia. E-mail: vikont37@yandex.ru

Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher at the Center for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, building 1, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: kuznetsov-ia@ranepa.ru

Alexander V. Gordon, DSc (History), Chief Researcher, Head of the East and Southeast Asia Sector, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences. Nakhimovsky prosp., 51/21, Moscow, 117418, Russia.
E-mail: gordon_aleksandr@mail.ru

Elena A. Tyurina, PhD (History), Scientific Director of the Russian State Archive of Economics. B. Pirogovskaya St., 17, Moscow, 119435, Russia. E-mail: kanc@rgae.ru

Igor N. Slepnev, PhD (History), Senior Researcher of the Center for Economic History, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117292, Russia.

Elena V. Danilova, independent researcher. Boris Galushkin St., 17, Moscow, 129301, Russia. E-mail: d_anele@mail.ru

Vladislav O. Afanasenkov, Junior Researcher at the Center for Economic and Social History, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, building 1, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: erpaison@ gmail.com

Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Head of the Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Vernadskogo Prosp., 82, bldg. 1, Moscow, 119571, Russia.
E-mail: harmina@yandex.ru

Abstract. On March 25, 2025, a round table of the *Russian Peasant Studies* for the 100th anniversary of the outstanding agricultural historian, Professor Viktor Petrovich Danilov (1925–2004), was held. The participants noted the contribution of V. P. Danilov to the Russian and world historiography, shared personal memories of him and work with him, and discussed current issues of agricultural and social history. The following participants made presentations: Alexander V. Zhuravel, Historian, Independent Researcher; Viktor V. Kondrashin, DSc (History), Professor, Chief Researcher, Head of the Center for Economic History of the Institute of Russian History, RAS; Igor A. Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, Center for Economic and Social History, RANEPA; Alexander V. Gordon, DSc (History), Chief Researcher, Head of the East and Southeast Asia Sector, INION RAS; Elena A. Tyurina, PhD (History), Head of the Russian State Archive of Economics; Igor N. Slepnev, PhD (History), Senior Researcher, Center for Economic History of the Institute of Russian History, RAS; Elena V. Danilova; Vladislav O. Afanasenkov, Junior Researcher, Center for Economic and Social History, RANEPA. The discussion was moderated by Alexander M. Nikulin, PhD (Economics), Editor-in-Chief of the *Russian Peasant Studies*, Head of the Center for Agrarian Studies, RANEPA.

Key words: round table, outstanding agricultural historian, Viktor Petrovich Danilov, Russian and world historiography, shared personal memories, current issues of agricultural and social history